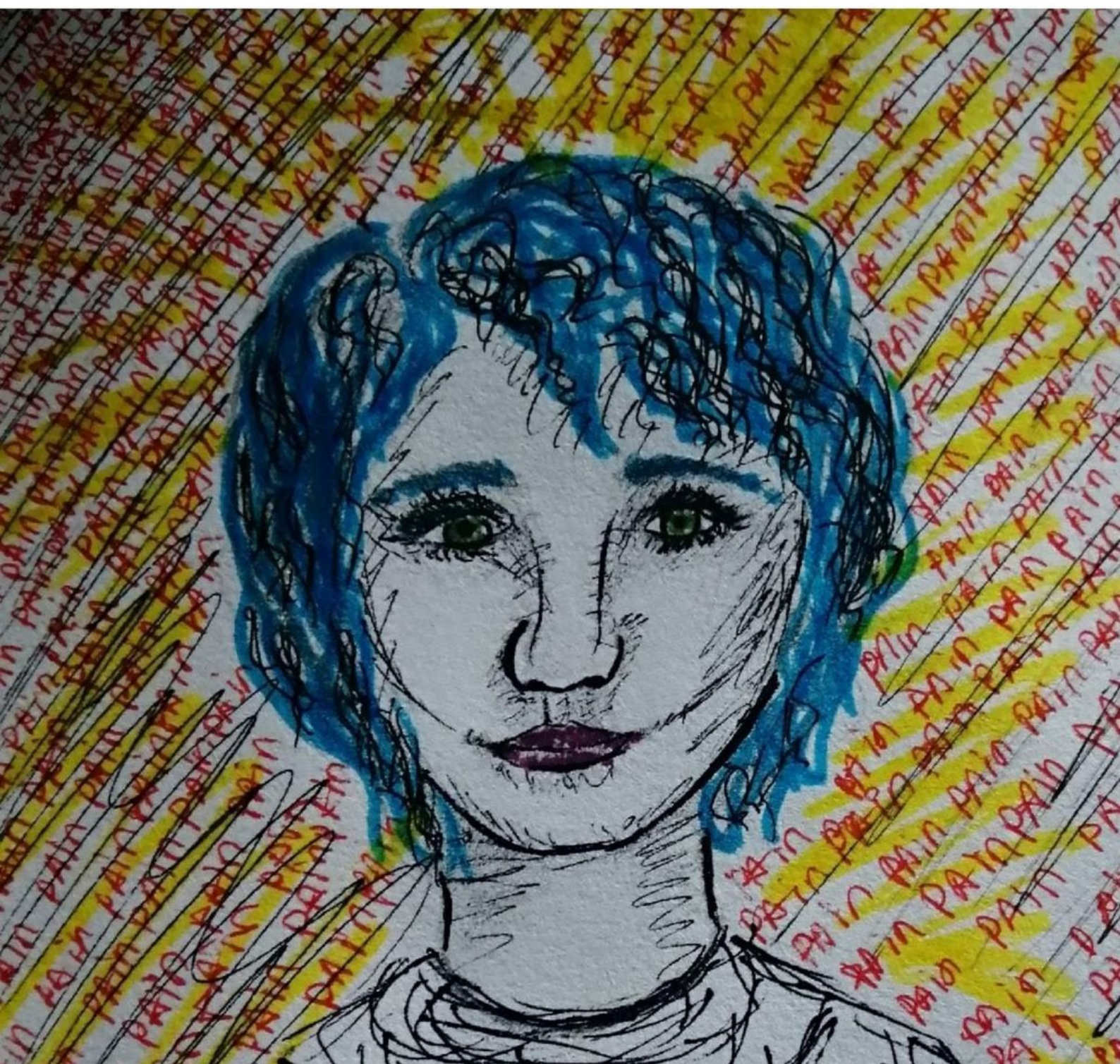

АСЯ ЭНГЕЛЬГАРДТ

Идеал

Ася Энгельгардт

**Идеал. История о
любви и жестокости**

«Издательские решения»

Энгельгардт А.

Идеал. История о любви и жестокости / А. Энгельгардт —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510583-7

Когда тихоня и трус Лёка вдруг смело открывает свои запретные чувства, весь окружающий мир обрушивается на него. Когда Марат выбивается из привычного мира, он понимает, кто на самом деле его окружал. Эта книга о подростках, об их первых еще столь уязвимых чувствах и об окружающем их мире, который жестоко погружает их в действительность.

ISBN 978-5-00-510583-7

© Энгельгардт А.
© Издательские решения

Содержание

Лёка	6
Марат	7
Ира	8
Лёка	9
Ира	10
Лёка	11
Марат	12
Лёка	14
Марат	16
Ира	19
Лёка	20
Марат	22
Ира	23
Марат	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Идеал

История о любви и жестокости

Ася Энгельгардт

© Ася Энгельгардт, 2020

ISBN 978-5-0051-0583-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

vele et me ama¹

*Посвящается Маше, Ксюше и неизменному ДМГШ
С любовью*

¹ прощай и люби меня (лат.)

Лёка

Первое, что я увидел, открыв глаза – дождь. Как ни странно, я люблю дождь, несмотря на неважное здоровье. Дождь очищает. После него воздух становится приятно свежим, солнце выходит и люди получают в награду за терпение радугу.

Я люблю дождь. Дождь смывает следы грязи и крови с моего лица. Он слишком часто становится свидетелем моего унижения, но никогда еще не выдавал меня.

Дождь начался, а это значит, что скоро им надоест пинать меня, они побегут по домам.

Дождь начался, а я медленно, опираясь на грязную стену в подворотне, встаю и подставляю ему свое лицо. Свежие капли нежно ложатся на меня, как и на грешную землю. Жаль, что дождь не может смыть меня, как грязь и кровь.

Я никчемный человек.

Мне шестнадцать и я хочу умереть, что может быть глупостью не знающего жизни ребенка. Так можно было начать рассказ обо мне. Что еще? Чтобы вы сразу почувствовали омерзение ко мне. Я несколько раз резал вены, глотал таблетки, но после этого непременно обнимался с унитазом, я трус, нет, серьезно, я ужасен.

Последний штрих... Это совсем уж отвратительно.

Тот парень, что только что бил меня в числе прочих... в него влюблена моя подруга и... и я.

Да. Мне кажется, я гей...

Я жду, когда они уйдут, но даже не думаю сопротивляться. И никак не могу понять, говорит ли во мне мой пацифизм или же внутренний Мармеладов. Хотелось бы верить, что это сила нравственных убеждений, но я знаю себя, поэтому склоняюсь ко второму варианту.

Марат

Нас было четверо в компании. Я, Лев, Степан и Томаш. Эти трое мои соседи и наши родители получают больше, чем стоит вся эта поганая школа, больше, пожалуй, нас ничего не связывает.

Не знаю, чего мы вдруг решили пачкать руки об этого сопливого мудака. Все началось, наверное из-за моих конверсов. В кой-то веки решил надеть белые, а тут этот косолапый кретин. Встал на них своими грязными паленками. Кажется, кстати, это кто-то из моих трех кретинов подтолкнул его, но уж больно меня выбесили большие голубые глаза этого педика.

Мы вытащили его после уроков в подворотню и избили. Он молчал все время, даже не пытался защититься, а мы злились и били все сильнее и сильнее. Его тело забавно вздрагивало от каждого удара, точно он был рыбешкой, выброшенной на берег. Я бил со страстью, как бы в забытьи. Я чувствовал что-то вроде всемогущества, пинал мягковатое тело, а оно безропотно поддавалось моим ударам. Но вместе с этим я чувствовал омерзение ко всему. Отвратительно.

Потом начался дождь. Было жаль портить шмот из-за этого уroda. Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу. Я не знаю, почему он вывел меня из себя, но злость была звериной, стихийной, необъяснимой, как говорится, «бессмысленной и беспощадной». Казалось почему-то, что этот кроткий идиот виноват во всем передо мной. Виноват в моем омерзении к миру, виноват в моих проблемах, виноват и в том, что дождь начался.

Когда мы убегали, я обернулся посмотреть, не отбросил ли мудака копыта. Он смотрел мне прямо в глаза. И что-то в его взгляде, кроткое и собачье, заставило меня ненавидеть его еще сильнее.

Я прикончу его. Обязательно прикончу.

Ира

Он никогда на меня не посмотрит.

До какого возраста девочки продолжают верить в сказки? Я еще в детстве поняла, что не будет никакого принца на белом коне, чудесного исполнения желаний, крестной феи или волшебника на голубом вертолете. Есть красивые девочки из богатых семей, для них все удовольствия и безмятежная жизнь в сказке. Такие же как я живут в суровой реальности. И я не жалею, просто трезво смотрю на жизнь. Мне не повезло влюбиться в одного из любимчиков нашего города, кого добренькая судьба не обошла стороной. И даже самая красивая девушка из нашего класса может только мечтать о нем, обо мне и говорить нечего. Он даже имени моего не знает. Хотя мы учимся в одном классе уже пару недель – я перешла в десятый в другую школу.

Я осознала суровую правду жизни – выше головы не прыгнешь, ищи птицу по полету и все такое, в общем, не лезу в чужие для меня круги – растопчут. Сама виновата, не нужно было позволять себе влюбляться, теперь расплачиваюсь.

Но все не так плохо. Я не одна. Со мной в десятый перешел мой друг детства. Мы знакомы еще с садика. Вот он мой круг общения – очкастый парнишка, от которого я не только не дожусь защиты, но который и сам в ней нуждается. Лека хороший, с ним приятно проводить время, но я иногда устаю от постоянной опеки над ним.

Сегодня после уроков он задержался, пришлось ждать его у ворот школы. Не кстати, начался дождь. Последнее время дожди идут часто – осень дает о себе знать, поэтому он не застал меня врасплох, однако я все равно замерзла. Хоть зонт и защищал меня, старые замшевые ботинки все равно начали промокать. Тогда в голове проскользнула предательская мысль: «Стоит ли играть в Хатико? Почему я вообще должна ждать?», но мысль прервали брызги, заляпавшие мои черные колготки. Я чуть приподняла зонтик, чтобы разглядеть, откуда они. Но увидела быстро промелькнувшие четыре пары ног в дорогих ботинках. И ровно выбритый черный затылок. Марат обернулся. На миг мое сердце встрепенулось в нелепой надежде. Глупо. Он даже не заметил меня, как будто я пустое место. Смотрел куда-то вдаль. Потом убежал.

Боже, какая же я дура.

На секунду я разозлилась на Леку. Если бы не пришлось его ждать, я бы не пялилась на Марата, как дура. Не хватало еще, чтобы его друзья меня увидели...

Меня накрывает горячей волной. Ненавижу это чувство, когда ноги подкашиваются и горят щеки. Почему его вид так действует на меня? Когда это закончится? Глупый, наверное, видок: под старыми квадратными очками пухлые алые щеки, растрепанные от ветра волосы, трясущиеся ноги. Если бы не этот Лека, я бы не стояла тут, как идиотка, у ворот на виду у всех. Прошло не меньше десяти минут, прежде чем я увидела грязный голубой свитер. Из-за зонтика, я не видела его лица, а он не видел моего. Поскорее уйди и не заморачиваться – золотое правило жизни.

– Долго ты, – буркнула я нехотя, настроение из-за Марата резко ухудшилось, – нам еще презентацию по географии готовить.

– Прости, – тихо проговорил он, голосом побитого щеночка.

Это не вызвало у меня ни капли жалости, как было раньше. Меня почему-то передернуло от отвращения, хоть я и попыталась отогнать это ощущение. Лека мой единственный друг. Было бы глупо потерять его из-за минутной слабости.

Лёка

Вечно я все порчу. Из-за моих проблем Ира замерзла и, кажется, обиделась на меня. Вечно от меня одни неприятности. Это нормально в свои шестнадцать ненавидеть себя?

Мы идем под дождем. Наши ботинки промокли. Еще у школы Ира протянула мне запасной зонтик, лежавший в пакете из-под сменки. Она знала, что я забуду свой. Два стареньких зонтика, наверное, именно так мы выглядим с небес, если на нас оттуда вообще кто-то смотрит. Нет, не хочется сейчас думать о высоком.

– Может, возьмем пиццу? – предложил я Ире, мне хочется как-то порадовать ее.

– Хорошая идея, не нужно будет тратить время на готовку, сразу поедем и все.

– По-моему, ты в школе ничего не ела, – заметил я. Меня беспокоило ее состояние последнее время. Но объяснить я это не мог.

Рядом с домом Иры было недорогое детское кафе «Радуга». За стойкой стояла уставшая молодая девушка с лицом старухи, которая повидала в своей жизни все и даже больше. Она молча приняла наш заказ, с силой пробивая его на кассе, словно кнопки были виноваты в том, что она сейчас в задрипанном кафе в маленьком городишке, а не на Бали, на какой-нибудь яхте с молодым и красивым миллионером. Как ни странно пиццу приготовили довольно быстро, минут за двадцать, и мы с Ирой направились к ней в объятья ненавистной мне географии.

Ира жила на пятом и последнем этаже. Мне нравилось бывать у нее, но именно в ее комнате. Пусть комната Иры была совсем небольшая, но атмосфера уюта сразу же поглощала меня и не давала думать о размерах. Другие бы назвали беспорядком то, что творилось у нее в комнате, но меня приводили в восторг бесконечные наброски на столе, милые вещички для уюта, многочисленные кружки с чаем, канцелярка. На полке над кроватью красовались шитые и вязанные игрушки, которые пару лет назад Ира делала с большой любовью.

Она достаточно хорошо меня знала, чтобы на ходу попросить закинуть ее рисунки в ящики рабочего стола – разгрести место, сама же подруга в это время проскочила на кухню, поставила чайник и нарезала пиццу.

– Включай пока комп, – попросила Ира из кухни.

Я удобно устроился в ее кресле и нажал на кнопку пуска. Как хорошо было оказаться в тепле после такой встряски. Но были и минусы. В тепле я как-то сразу же почувствовал боль и слабость. Влага грязного свитера стала более ощутимой. Все тело как будто было переломано. Больше всего мне захотелось откинуться на этом кресле и тут же уснуть, о географии я думал меньше всего. На секунду я сморщился от боли в боках и в животе, но вскоре кресло впитало меня в себя, как будто я был некой жидкостью. По телу приятно растеклось расслабляющее тепло. Перед глазами стоял герой моих грез, мой мучитель. Что меня волновало больше всего, так это то, что он вращался в компании, которая его и убивала. Я почему-то чувствую, что сам по себе мой хулиган хороший человек, но обстоятельства заставляют его творить ужасные вещи. Я чувствую, они его погубят. Мне больно из-за этого.

Закрыв глаза, я слушал приближающиеся шаги.

– Чего ты разлегся? Я не буду выполнять всю работу.

Ира поставила рядом со мной открытую коробку с пищей и согнала с кресла. Я взял из кухни стул и сел рядом с ней.

Когда уставший мозг все-таки соизволил заработать, стало понятно, что проект не такой уж и сложный. Мы скопировали информацию из некоторых статей в интернете, скачали несколько фотографий и принялись за создание презентации, поминутно отвлекаясь на божественную горячую еду с тягучим сыром. Это именно то, что было мне нужно. Я сразу согрелся и почувствовал себя намного бодрее. Мы закончили даже раньше, чем ожидали и решили сделать вместе и остальную домашку.

Ира

Я снова это делаю. Снова ем. Нет, не ем – жру. Иначе не назовешь. Половина пиццы. Огромной пиццы. Мой желудок сейчас взорвется. Зачем я снова ела?! Жирная, жирная, жирная! Ненависть к самой себе ударила мне в голову. Более того, ненависть справедливая – я снова, снова ем.

– Лек, подожди немного, я отойду.

Я знаю, как это остановить. Быстро убегаю в туалет. Сразу же из зеркала на меня смотрит уродина с огромными щеками, с раздувшимся животом, невероятно жирная. Какая мерзость. Меня тошнит от собственного вида. Я начинаю задыхаться от слез.

Почему я такое убожество!?

Два пальца в рот и я склоняюсь над унитазом. Волосы предательски лезут к мокрому лицу. Соскальзывают очки. Я издаю отвратительный звук, после чего горло обжигает волной, и вот уже я смотрю на кусочки помидора и на желтоватую жижу в унитазе.

Щелчок.

Это открылась дверь позади меня. В панике я оборачиваюсь, успев вытереть рот об рукав и поправить очки на переносице.

– Что с тобой происходит, Ира!?

Лёка

Боже...

Я догадывался, что с ней что-то не так. И вот она обнимается с унитазом вся в слезах.

– Ира...

– Только попробуй рассказать кому-нибудь, и я тебя прикончу.

– Но это же не нормально... ты не хочешь об этом поговорить? Ир, поговори со мной.

Что это значит?

Мне страшно. Страшно за нее, страшно за то, что я столкнулся с чем-то непонятным и даже не знаю, что делать.

– Лек, отвали. Просто отвали.

Марат

Лев, Степан, Томаш и я – порядок такой. Обычно я впереди, и этот порядок почти никогда не меняется. Если бы я не оборачивался, то ничего бы не изменилось, но сегодня мы били особенно сильно, да и кретин молчал.

Вскоре я все же занял свое место, Лев бегал не на столько быстро. Мне польстило, что еще несколько метров он тужился разогнаться, но я все же за все время лидерства научился бегать быстрее.

– Что с вами, Лев? Вы изменились в лице, – с легкостью усмехнулся я на бегу, что еще больше разозлило задыхающегося уже моего товарища.

– Куда... двинем... кости, ваше высочество, – пробухтел с недовольной миной красный уже Лев.

– Том, – весело обращаюсь я, – ваши батюшка с маменькой..?

– Ко мне можно, – отозвался Томаш.

К нему мы и направились. У Томаша классно тем, что в его комнате на втором этаже частного дома обустроен еще и балкон. Всей ватагой мы заваливаемся прямо туда. Все располагаемся на красных креслах-мешках. Мое тело наконец расслабляется и я становлюсь намного добрее, но это еще не все, из кармана пиджака я достаю пачку «Captain Black». Не успел покурить с утра, поэтому сейчас чувствую особое наслаждение, приятный релакс.

Пришла пора познакомить вас с моими друзьями. Про Льва вы уже поняли – метит на мое место. Сейчас он косится на меня и закуривает задрипанный «Bond» с зеленой кнопкой. Отец Льва – прокурор нашего скромного городишки, неплохо, при скромной жизни хватит. Все дело в том, что Лев слишком зависит от некоего соревнования со мной. Даже во внешности. В том году у него были неплохие такие куделя, которые делали его даже не таким уродом, но стоило ему увидеть, как девчонки сохнут по моему бритому затылку, как он тут же скопировал это и стал похож на горе-солдафона. Причем фигура у него была несколько неказистая. Не дрищ, но и не атлет. Он даже одежду начал покупать по типу моей, открытые пиджаки на футболку да конверсы. Редкостный идиот. Но, пожалуй, тешит мое самолюбие.

Томаш, надо сказать из всей компании был мне (если это можно так назвать) несколько даже приятен. Он как бы смотрел на нас на всех свысока, но именно это и не позволяло ему выделяться. Он вроде как держался от нас на приемлемом расстоянии, показывая, что он настроен не враждебно, но ближе никого к себе не подпустит. Я знал прекрасно, что случится нужда – он без всяких угрызений совести предаст нас всех и будет совершенно прав в своей логике. Почему мне это нравится? Да потому что это хотя бы честно. Лев лицемер. Он будет выражать свою верность мне, но сам ждет не дождется, когда я облажаюсь, а Том презирает нас всех и без этого.

Том никому не подражает, он выше этого, поэтому даже в стиле своем сохраняет вечную классику, что делает его похожим на некоего дворянина. Том носит очки, но не в дань моде, а из-за зрения. У него бледное лицо и светлые волосы. Многие в классе сохнут по его скулам и черным глазам, которые так ярко смотрятся на светлом лице. К тому же девчонок привлекали его польские корни. Моя соседка по парте (это было в том году, теперь я благополучно сижу один) примеряла на себя на полях в тетрадке его фамилию – Мазур.

Что до Степана, так это крайне посредственный и скучный тип. Ему плевать, кто будет стоять над ним, но непременно кто-то должен. Просто, чтобы знать, что делать. Он тоже косит под Льва или под меня, но совершенно бессознательно, как бы рефлекторно. Но до волос у него руки не дошли. Он отрастил дозволимую длинну волос, чтобы не быть ни лысым, ни патлатым. Степан забавный мальчик, и пожалуй, не особо то жесток, пошли бы мы всей компанией в пай-мальчики – и он бы без раздумий стал хорошим мальчиком, просто так, потому что так надо.

Степан не был разговорчив, поэтому его черта не бросалась в глаза, он сам бросался в глаза, только вместе с нами, в общей симфонии так сказать. Степану совершеннейшим образом все равно, кто из нас будет лидером: я, Лев или даже Томаш. Он бы пошел за любым из нас – кто первый позовет, вот я всегда и успевал первым.

Во всем.

Я порядочно устал сегодня. Все-таки Томаша можно любить хотя бы за его божественные кресла-мешки, в которых так офигенно расслабится после разминочки с этим педиком.

Почему-то мне совсем тяжело. То ли от сигарет мутит, то ли от математики последним уроком. Я откидываюсь головой вниз, согнув ног в коленях.

– Том, есть выпить? – спрашиваю я.

– Степан, сходи в комнату, под кроватью стоит бутылка.

Тот молча выполнил просьбу и протянул мне наполовину пустую бутылку «Jack Daniel's».

Пью прямо из горла, Том от этого тихо морщится и отводит глаза. Плевать. Виски помогает не думать. Ни о чем не думать. Вместе с мыслями всегда приходит неприятное, черное и тягучее, как старый лизун, чувство. Обжигающая немного жидкость растворяет и смывает это липкое чувство. Не думайте, что я спился к шестнадцати, я пью не каждый день и контролирую себя – пью до состояния веселой легкости. Довольно быстро я дошел до этой стадии и протянул бутылку Степану, как я и ожидал, он сначала передал ее Льву.

Накрывает волна отвращения, она вырывается из меня раскатистым громким смехом.

– Чему вы смеетесь? – сдерживая гнев выдавил Лев.

– От чего же мне не смеяться, сударь? – ответил я в своей шутливой манере.

– Проспись, видать, вискарь уже дал тебе по мозгам.

– Есть повод для радости, у меня они хотя бы имеются.

– И в чей это огород камень? – Лев уже встал надо мной. Я смотрел на него вниз головой, поскольку снова откинулся. Эта перевернутая и злая тушка до того меня рассмешила, что я подопнул ногами сидящего рядом Степана.

– Перестаньте, – тихо, но веско произнес Томаш, – хотите драться, идите на улицу.

Я продолжал хохотать, Лев же приумолк и пошел было на свое место. Но тут обернулся и сказал:

– Однако мне хватает мозгов, чтобы не гоняться за мертвыми.

Ублюдок!

Иногда бывают вспышки. Вот ты лежишь, запрокинув голову, а вот уже твой кулак болит от удара по носу. Белые костяшки пачкаются красным. Шум в ушах. Прежде чем я начинаю понимать, что произошло, слышу крики. Том и Степан оттаскивают меня и валят на мешки.

– Мудак! – кричит Лев, хлопая сквозь ладонь кровью.

– Не лезь не в свое дело, кретин, – ору я, сквозь плечи Томаша и Степана.

– А в чем дело? – спрашивает Степан.

– Иди лучше лед из морозильника принеси, – говорит Томаш, – остынь Марат. Что за сцены?

– Я тебе это припомню, – шипит Лев.

– Не успеешь, Левчик, я уйду.

Я развернулся и пошел прочь, Степан, вернувшийся со льдом, неуклюже посторонился. Больше всего мне хотелось врезать ему, прикончить кого-нибудь. Прикончить этого ублюдка Льва. Ублюдок! Ублюдок! Ублюдок! Я не позволю никому смеяться мне в лицо.

Но опять это липкое чувство растекается по легким. Сжимая их, щипая глаза. Рой мыслей больно кружится в голове.

Нельзя иметь слабости. Не успеешь и оглянуться, как окружающие макнут тебя в них.

Лёка

Я дома. Так нельзя сказать про мои ощущения, это скорее констатация факта. Я сижу, сгорбившись за столом и запустив волосы в кудри. От волнения у меня всегда жутко болит живот. Это невыносимо, может скрутить в любой момент от какого-нибудь нелепого страха. Сейчас перед глазами стоят эта сегодняшняя сцена с Ирой и ноги, бьющие меня. Как помочь Ире? Почему он обернулся? Как не думать об этом? А если думать, то что с этим делать? Родители всегда говорят быть взрослым, но никто никогда не рассказывает, как решать проблемы. Когда они приходят, ты остаешься один на один с ними и со своей совестью.

Одиноко в темноте светит настольная лампа, окутывая меня в рыжеватую капсулу.

Нужно делать уроки. У меня и так последнее время были проблемы в школе, если узнает отец, они переползут и домой.

Так. Математика. Я смотрю на нее, она смотрит на меня. И снова меня переламывает боль в животе. «Психосоматика», – думаю я. И эта мысль горохом рассыпается в моей пустой голове.

Зажмуриваю глаза. Совсем скоро меня уносит далеко-далеко от чертовой комнаты.

Он сидит рядом со мной на скамейке. Я чувствую тепло его тела, запах шампуня и табака. Мне страшно поворачивать голову, вдруг его образ пропадет, но он не пропадает. Я вижу его очаровательную улыбку, прищуренные глаза.

– Марат...

– Т-ш-ш

Он чуть наклоняется и нежно целует меня теплыми и упругими губами. Сердце бешено колотится в груди и все внутри наполняется легкими пузырьками счастья. Можно ли умереть от блаженства?

– Алексей!

Все тело прошибает дрожью. Я вскакиваю со стула. Отец. И голос у него явно не дружеский.

– Алексей!

Он заходит в комнату. Развязанный галстук висит на шее и волосы взъерошены – плохой знак.

– Спишь? Спишь, мерзавец!?

– Па...

– Заткнись! Какого хрена мне звонят из школы и жалуются на твои оценки?

– Я исправлю, пап, обещаю.

– Обещает, он мне обещает.

Папа на секунду замолкает, набирая в легкие воздух.

– Да ты хоть знаешь, чего мне стоило устроить тебя в эту школу!? Какие связи мне пришлось подключить!? Это единственная элитная гимназия в нашем городе, твою мать! Ты хоть понимаешь, как ты подрываешь мой авторитет, или ты хочешь, чтобы мне в тыкали, как я тебя туда устроил! У меня нет денег оплачивать твои оценки!

– Па...

– Молчать! Чтобы завтра же все исправил. Завтра же! Чтобы никто не смел звонить и говорить, что ты позоришь школу.

– Прости, я все исправлю.

– И никаких больше прогулок! Будешь корпеть над учебниками, пока не исправишь все. Из дома в школу, из школы домой. И никакого телефона!

Это не самое страшное. Но еще не все. Подзатыльник. И звонкая пощечина. Хлопает дверь. В ушах еще долго стоит звон, а щека пылает.

Я должен держать себя в руках. Но я не могу. Я вновь припадаю к столу, вновь смотрю на накопившиеся задания. А в голове оглушающая тишина. Я, кажется не должен плакать, но я плачу. Почему все так? Почему жизнь так терзает меня? Наказан я за что-то? Но ведь я же не плохой человек. Ведь нельзя же, право, судить меня за любовь. Или жизнь вовсе и не судит, а просто рубит с плеча?

Марат

Город выстилается туманом перед моими глазами. Все эти прохожие, дома, пейзаж свиваются в общей массе. Я все-таки засрал кеды. И на штаны попала пара капель. Ненавижу. Я слишком часто повторяю это слово. Есть такие слова, которые я как-то особо часто прокручиваю в голове до того, что они становятся невыносимыми не только в голове, но и в речи, и в книгах. Но я все повторяю и повторяю. Ненавижу.

Попробовал бы я сейчас закричать, голос бы порвался. Горло сдавливает бессилием и злобой. От того, впрочем, и бессилён, что злобы больше меня, злоба меня и придавливает.

Я, погруженный в свои мысли, не вижу дороги. Обида впивается в меня шипами, ноги несут куда-то. Может, хорошо, что они сами знают куда меня нести. Больно. Еще одно слово, которое я терпеть не могу.

Ноги вскоре приносят меня к нашему коттеджу. Для нас троих, то есть для меня и родителей, он слишком большой. Отец, правда, так не считает. А я вот думаю, мы и так почти не видим друг друга, а если дом будет еще больше... Хотя, в этом есть и плюсы, никто особо не достаёт меня своим вниманием. Мне это не нужно. Не нужно!

Я захожу домой и сразу с порога наша домработница семенит ко мне. Приветствует, хочет принять мой пиджак, но я молча прохожу в дом. Она пятится и, понуриив голову, уходит продолжать работу. Сколько уборщица у нас работает, а я даже имени ее не запомнил. Мне стало как будто неловко от моей собственной грубости, но чтобы отогнать это глупое чувство, я прошёл в свою комнату прямо в ботинках по мытому полу. Это мой дом, а она тут работает, ей платят за это деньги, так что пусть выполняет свою работу. Мне казалось, что она сейчас проворчит что-нибудь или иным образом покажет свое недовольство, тут то бы я и подловил ее, тут то я и напомнил бы ей, кто она такая и кому служит.

Но она промолчала, только лишь улыбнулась как-то горестно, но беззлобно. В нелепом порыве я было хотел даже извиниться, но вовремя остановил себя и пошел быстрее на второй этаж в свою комнату.

В моей комнате нет балкона, как у Томаша, но есть просторный подоконник, на котором куча подушек. У меня есть моя любимая – это черная акустическая гитара. Честно говоря, не так хорошо я играю. Или даже совсем плохо. Еще у меня коллекция книг: Маяковский, Бродский, Энтони Берджес, Чак Паланик и еще много всего-всего. Книги валяются по всем углам: и у кровати, на моем подоконнике, на рабочем столе. И вот теперь я смотрю на этот бедлам и не знаю за что взяться. Мне не хочется играть на гитаре, не хочется читать. Мерзко. Просто отвратительно.

Устало падаю на свое любимое место. Окно выходит на наш участок, а за ним на узенькую речку. Мутная и заваленная ветками и пожухлой листвой, она практически не двигалась. У другого ее ответвления, где-то ближе к лесу, часто собирались рыбаки, там и глубже было, и чише, и места побольше, а здесь, под моим окном, она вызывала уныние. Сейчас я вспомнил того парня. Вспомнил, как мы изваляли его в грязи, и он стал, как эта речка. А зачем я все-таки избил его? Неужели так дороги мне были мои кеды? Да нет же. Он ведь даже не провинился передо мной. Но если бы я не тронул его, что бы обо мне подумали мои кретины? Неужели я и правда переживаю об их мнении? Что я за человек?

Погруженный в самобичевание, я не заметил, как уснул. Мне снился странный сон. Я оказался в этой речке, но в моем сне она стала намного больше – просто бескрайней. Меня тянули вниз крепкие водоросли, ветви, пльвшие рядом, били меня по лицу и не давали выплыть. Как и в реке, я начал тонуть в панике. Я уже совсем погрузился в воду. Меня все глубже и глубже тянуло вниз, одежда стала весить так, словно была выточена из камня. Я беспомощно барахтался. Вдруг почувствовал, что кто-то едва коснулся моей руки, но стоило этому человеку

потянуть меня вверх, как она выскользнула. Я радостно ухватился за спасительную руку, но она снова выскользнула, я снова стал погружаться в воду, барахтаться, но все равно тянулся к своему спасителю, чье лицо не мог увидеть под водой. Снова наши руки соединились, я вцепился в руку, но меня сильно тянуло вниз, мои ногти до крови царапали руку. Я вцепился сильнее, и чем сильнее я цеплялся, тем сильнее меня тянуло вниз, из-за этого рука все более и более краснела. Я уже разодрал ее до мяса, но она все не исчезала, все держала меня. Вода вокруг уже покраснела. Покраснела, как...

Резко вскакиваю, просыпаясь в холодном поту. У меня сбилось дыхание. В дверь стучала уборщица.

– Что вам?

– Все хорошо? Вы кричали, – смущенно проговорила она из-за двери.

– Отлично, это фильм. Занимайтесь своими делами, – рывкаю я под конец.

– Простите меня, – говорит уборщица, и я слышу ее удаляющиеся шаги.

На часах 18:57, в ВК несколько непрочитанных сообщений. Смотрю – беседа класса, опять устроили срач, рекламная запись, и сообщение от Степана: «Что это на тебя нашло сегодня? Левчик вроде отошел уже, но ты уж так не реагируй больше». А рядом дурацкий смайлик. Смайлик, мать его! Я парню нос, наверное, сломал, а тут смайлик. Меня просто убивает эта жизнь! И все же есть и плюс в этом парадоксе – как круто, что сейчас так легко надеть маску клоуна, за желтой улыбающейся рожой скрыть чувства.

Сегодня я еще раз убедился в том, что чувства нужно скрывать, нужно скрывать вообще всю правду о себе иначе и опомнится не умеешь, как ее, эту самую правду, извратят до не возможности, сравнивают с грязью и втопчут тебя в нее.

Молчи, скрывайся и таи.

Так то, господин Тютчев, вы, черт побери, правы!

Не будь дураком! Будь тем, чем другие не были. Не выходи из комнаты!

То есть дай волю мебели, слейся лицом с обоями. Запрись и забаррикадируйся шкафом от хроноса, космоса, эроса, расы, вируса.

Друг Бродский, вы всегда со мной. С поэтами легче. Они меня не осудят, поймут, а этот мир – нет.

Через час у нас ужин. Не знаю, придут ли родители. У нас не так часто получается поужинать вместе. Зевая, иду к шкафу переодеться к ужину во что-нибудь поудобнее. Виски дал о себе знать: меня немного замутило и захотелось пить. До чего забавно все же, страдающий подросток, который пьет, чтобы забыть. Иные подумают так и скажут: «Какие у тебя вообще могут быть проблемы? Тебе шестнадцать лет, сын богатых родителей, живешь и как сыр в масле катаешься. Нытик». Назовут нытиком и правильно сделают. Да только эти самые иные не на моем месте и никогда на моем месте не будут.

Надеваю черные джоггеры и свитшот. Так намного удобнее. Переодевшись, я почувствовал себя гораздо лучше. Выхожу из комнаты. Коридор нахлынул на меня тишиной и темнотой.

На первом этаже наша уборщица накрыла на стол.

– Что сегодня на ужин? – властно спрашиваю я.

– Стейк из лосося под сливочно-чесночным соусом и брокколи.

– Гадость, – морщусь и отхожу к дивану недалеко от стола.

Молчу недолго, чешу голову и спрашиваю снова:

– А что родители?

– Альберт Викторович сказал, что скорее всего успеет к ужину, а Мария Федоровна и вовсе уже выехала из салона. Скоро придут.

– Ясно, – бросаю я безразличным тоном.

Мать приехала где-то через полчаса. Вошла в дом, запустив в него поток холодного ветра. Уборщица помогла ей снять пальто, и мать, стуча каблуками, вошла в комнату.

– Петр уже приготовил ужин?

– Да, и я уже накрыла на стол, – расторопно ответила уборщица.

– Отлично. Как Марат?

– Уже готов к ужину.

Только после этого мать взглянула на меня, как смотрят на мебель, чтобы убедиться, что та не покрылась пылью и не испортилась.

– Как ты?

– Отвратно, – буркаю я.

– Отлично, – она отвечает, уже развернувшись. Она направляется на второй этаж, чтобы привести себя в порядок.

Потом приехал отец. Он точно так же задал пару рядовых вопросов и побрел на второй этаж. Через час мы уже сидели за общим столом.

– Что у вас сегодня со Львом произошло? – спросил отец.

– Да ничего, а что? – говорю я, не отрываясь от еды.

– «Да ничего», – передразнивает отец, – работаю, жду важного звонка, и тут мне трубку обрывает его мать, говорит кровь из носа, спрашивает, что произошло.

Я молчу, продолжая жевать.

– Нет, я понимаю – мальчишки, кровь горячая, в поле ветер в жопе дым. Знай границы. Мне звонят уважаемые люди, жалуются.

Мать устало вздыхает:

– У Олега в твоём возрасте был разряд по плаванию.

– Перестань, – остановил ее отец, но вяло, явно, приуныв.

– Олег был другим. Слишком хорошим. Видать, ты наше наказание за то, что мы его не уберегли, – мама не смотрит никому в глаза, а куда-то в пустоту. У нее увлажняются глаза.

«Но я не Олег», – думаю я, но не решаюсь сказать.

– Так, – вздыхает отец, – завтра Лев придет к нам на ужин. Настоятельно рекомендую тебе с ним помириться.

– Хорошо.

Мать снова качает головой.

Дальше ужин проходил в давящем молчании.

Олег был лучше меня. Меня для родителей просто не существует.

Ира

Я заваливаю себя учебниками. Загружаю мозг ненужными знаниями, чтобы не думать.

Я отличница – это мой приговор. В школе любят вешать ярлыки, и если на тебе ярлык отличницы – будь добра ему соответствовать. Быть отличницей это палка о двух концах – учителя любят тебя, но стоит тебе совершить ошибку, как милость богов сменится яростью. Одноклассники любят тебя, когда на уроках ты отвечаешь у доски, выполняя функцию громоотвода, когда даешь списывать, но в остальное время тебя не замечают. Ты мышшь, с которой и поговорить не о чем. Меня бы еще могли заметить, если бы я была хоть сколько-нибудь красивой.

В нашем классе все девочки как на подбор: стройные, миниатюрные, с ухоженными волосами, ногтями, стильные. Они постоянно обсуждали мальчиков, внешкольную жизнь, планы на вечер или выходные. А я сидела, уткнувшись в учебники. Жирная уродина. 57 килограммов убожества. На мне мерзкая одежда, которую я терпеть не могу, ее мать выбирала, и волосы просто кошмар – непослушные, вьющиеся.

Впрочем, есть и плюсы в моей жизни. Мать знает, что я отлично учусь и доверяет мне. Доверяет это значит, что я могу до позднего вечера заниматься своими делами, мать то на работе.

Только ночью я заканчиваю борьбу с домашкой, а матери все еще нет. Не хочется верить, что когда-нибудь мне придется так же...

У нас в глубинке все еще социальные роли раздаются по принципу «девочка *должна*». И я тоже по мнению многочисленных родственников и маминых подруг *должна* думать о мальчиках, красиво краситься, чтобы им нравиться, не дружить с ними (о, как бы обрушилось их мировоззрение, если бы они узнали о нашей *просто дружбе* с Лекой) и непременно я должна родить ребенка, чтобы, как моя мать пахать на него днями и ночами, отказаться от своей жизни ради непонятого счастья держать в руках это. Я не имею ничего против детей, для кого-то это, действительно, большое счастье, но ведь рожать их стоило бы не потому что надо, не потому что какая-то твм тетя Люба сказала, а потому что ты готов к этому, потому что ты уверен в себе и в человеке, которого ты любишь.

Для них это все детский бред. Выскочить, по их мнению, надо за кого-нибудь, не важно за кого, кто возьмет, и рожать. Можешь ты или нет – рожать. А потом жаловаться на жизнь, на тупых детей, на их тупые жизненные взгляды.

Спрашивается – а кто заставлял?

У меня на жизнь немного другие планы.

Что до Марата, так иллюзий я не питаю. Он даже не посмотрит в мою сторону никогда, и, может, это чувство скоро пройдет.

После тяжелого rendez-vous с уроками мне захотелось пить. В холодильнике была минералка. Иду в темную кухню. Открываю холодную белую дверцу, меня озаряет светом внутренней лампы. Но в холодильнике не только минералка.

Опять.

Я ем.

Ненавижу себя! Но я действую по привычной схеме.

Лёка

Утро застало меня за уроками. Свет скромно залился в комнату. И тут с меня словно сбрасывают кандалы. Я подхожу к окну и одним движением распахиваю окно. Свежий, леденящий осенний воздух обдаёт лицо, наполняет легкие. Ветер шевелит желтую листву и радуется мне, будто рассказывает мне одному важную тайну. Как хорошо!

Несмотря на головную боль, я рад. Успеваю принять прохладный душ и собрать сумку. Если буду готовить завтрак – опоздаю. Когда я выхожу, мать и отец еще спят, поэтому я стараюсь не шуметь, открывая и закрывая дверь. Что меня ждет сегодня? Не знаю. Хотелось бы верить, что день подарит мне хоть немного радости. По крайней мере, это утро показало мне, как хорошо жить. Вчера я страшно устал от жизни, а сегодня вдруг почувствовал, как она коснулась меня нежными прохладными руками. Уже холодает, лужи за ночь успевают покрыться тонким стеклом. Что мне сейчас нужно, так это музыка.

Нет, не К-рор, не думайте, что я чокнутый фанат, который слушает только «азиатов своих» и забыл нормальную речь. К-рор – это скорее классное шоу, яркие и сочные клипы, нестандартная внешность певцов. Я могу послушать и русские песни, и именно сейчас мне больше хочется послушать «Осень» ДДТ.

Ритм песни заставляет меня идти быстрее. Вот я ужевливаюсь в поток других школьников. В раздевалке как всегда толкучка. вахтерша оттянула какого-то шкета из-за того, что пришел без сменки. Начальная школа носилась, втыкаясь иногда в других школьников, дежурные немного упорядочивали движение, но все равно школа кишела, как муравейник.

Отключаю музыку, передеваю обувь и пытаюсь продраться к кабинету, Ира уже стоит в коридоре рядом с ним. Пришли еще двое человек из нашего класса, они общались, а Ира повторяла домашку по учебнику.

– Привет Ир, – говорю я.

– Привет.

– Ты... Ты как?

– Замечательно. Лучше бы повторил устный ответ по Лермонтову.

– Я все помню, – тихо говорю я, но следую совету – Ира, явно, не настроена на разговор.

Литература была отрадой в моей тяжелой школьной жизни. Я все понимал, и ответы на уроках не составляли для меня большого труда. И более того, мне, действительно, было интересно.

Сегодня вообще прекрасное расписание: литература, русский, два мхк, обществознание и только напоследок пережить матан. Но всего один. Это не так страшно.

Одноклассники начинают прибегать, они наступают и наступают. Последними, буквально за две минуты до звонка, приходят мои вчерашние угнетатели, все кроме него.

Лев заходит в коридор с видом царя с распухшим носом, бросает насмешливый взгляд, это значит, что сегодня меня снова начнут бить.

– Эй, пидор, – кричит он мне, – раньше порнографию на страницах журналов прятали от всех и от вся, а ты смелый, таскаешь эту гадость на портфеле.

Все вокруг смеются.

Он подходит и срывает значок BTS с моего портфеля.

– Скажи-ка мне, любитель радужных азиатов, часто ли тебе удается подрочить на них в школе?

Степан подхватил тему Льва и, ткнув меня локтем в грудь, прошептал мне на ухо:

– Кто твой любимчик? Ты представляешь его по ночам?

– Извращенец, – шиплю я.

За это получаю сильный удар в живот.

Все молчат. Одни смеются в кулак, другие делают вид, что ничего не происходит и смотрят в учебники.

– Поговорим еще, – скалится Лев.

За минуту до звонка учительница открывает кабинет.

Это было моим спасением. Я последним вползаю в кабинет и сажусь за первую прату рядом с Ирой.

– Ответишь сегодня, Леша? – тихонько спрашивает, улыбаясь, учительница.

Я лишь киваю.

Тут дверь резко хлопает, со со звонком в класс заходит Марат. Все в животе сжимается. Он проходит на свое место, механически здороваясь на ходу.

– Ладно, допустим, сегодня не опоздал, но в следующий раз приходи пораньше, – говорит учительница.

– Обязательно, – бросает Марат.

Мне нравится Александра Васильевна. У нее невероятно красивые руки, хоть уже сморщенные, но до сих пор выразительные. Несмотря на большой возраст, она выглядит невероятно. Естественно элегантные движения заставляют меня смотреть на нее весь урок, слушать. Мне нравится легкость ее общения с нами.

На уроке я хорошо отвечаю на вопросы, Александра Васильевна хвалит меня. День начинает улыбаться мне. Может, мне повезет.

Марат

Может, мне повезет. На перемене Лев подходит ко мне. Мы идем под лестницу на первом этаже. Степан идет за нами, как послушная собачонка.

– А тебе чего? Это наш разговор, – говорит Лев.

– Кто знает, чего вы задумали. Кто-то же должен быть рядом, на шухере хоть, а то Тому дела ни до чего нет.

Так Степан остался с нами.

– Сегодня встретимся там же, где и вчера. Сразу после математики.

– Да ну, Левчик, неужели хочешь взять реванш? – смеюсь я.

– Может быть и так. Поговорим.

С пафосным видом Лев уходит. Степан еще задерживается, как бы раздумывая, с кем остаться.

– Чего стоишь? – рявкаю я.

– Чего вы, драться надумали?

– У Льва своего спроси!

– Зря ты так, я, может, по-человечески хотел, а ты...

– Иди, Степан, не до тебя сейчас.

– Да ладно, не бойся ты так. Он и не станет тебя бить.

– Да пошел ты! – ору я.

Просто феноменальная тупость!

– Зря ты так, – говорит Степан, уходя, – зря.

Ира

И вот я дожидая до последнего урока. Математичка унижает у доски Леку его собственной тупостью, у него уже трясутся руки, он начинает тормозить еще больше. Я пытаюсь подсказать ему, пока не получаю за это залп крика. Леке становится еще более неловко. А я молюсь на часы.

С горем пополам он получает тройку. Его пытка заканчивается и начинается пытка для другого несчастного. Ковыряю в тетрадке ручкой. Хочется поскорее прийти домой. Меня тошнит поле обеда в столовой. Так хочется сейчас стать желтым листочком и плыть по ручейкам бесконечно. Просто лежать и смотреть на небо. Я смотрю в окно, но мне сразу говорят не считать ворон. Эх, как надоело. Эти дурацкие цифры... А за спиной сидит Марат. Я знаю, что он прячет телефон за моей спиной. Если бы его не было рядом; это же просто жестоко! Я смотрю каждый день, как он проходит мимо меня, считает меня пустым местом, а мое сердце беспощадно переворачивается, я вынуждена молчать.

Наконец звонок. Учительница наконец милует бедолагу у доски и задает нам домашку, после чего класс с грохотом покидает кабинет. Мы с Лекой выходим последними: математичка задержала его, чтобы дать дополнительное задание, а я решила подождать. Все равно пойдем ко мне делать часть домашки.

Понурый Лека освободился как раз тогда, когда в коридоре стало более или менее тихо. Выйдя из кабинета, мы увидели спешащую к нам Александру Васильевну.

– Леша, Ирина, как хорошо, что я вас застала, – пропыхла запыхавшаяся учительница.

– Выполните мое поручение?

– Конечно, – отозвалась я.

– Тут тетрадка Марата, можешь ему передать, скажи, что тут оценка за сочинение, пусть обратит внимание на мои заметки.

– Но, он уже ушел, наверное, – усомнился вдруг Лека.

– Не далеко, звонок был четыре минуты назад, – ответила учительница.

– Я передам, – произнесла я, принимая аккуратно тетрадь из рук Александры Васильевны, точно она передавала мне артефакт, который мог развалиться в любую минуту.

– Спасибо, Ирочка, рассчитываю на тебя.

Когда учительница отошла, Лека ткнул меня легонько в плечо.

– Я сама передам, иди пока купи себе поесть чего-нибудь в «Радуге», у меня только макароны из готового.

– Хорошо.

Марат

Нас четверо: я, Лев, Степан и Томаш. Том пошел за нами непонятно зачем, может возомнил себя секундантом, кто разберет, однако пошел, хоть и вел себя как-то отстраненно: не задавал вопросов, не говорил вообще ничего, шел позади, отдалившись шага на два от Степана, который шел в двух шагах от нас со Львом.

За пару минут мы дошли до того же места, где вчера пинали кудрявого педика.

– Ну вот теперь и поговорим-с, – нараспев произнес Лев.

– Поговорим, – прорычал я.

– Откуда же столько агрессии, – усмехнулся Лев.

– Ты ублюдок, – спокойно говорю я, – съешь свой крысиный нос не в свое дело.

– Что ты сказал?

Лев напряг кулаки, я был готов уже броситься на него. Он был слабее меня, я бы победил его, но одно мне не давало покоя, на чьей стороне остальные. Положим, Томашу наплевать, но Степан, хоть и лакей, но дуболом тот еще, в том смысле, что дубы может выворачивать.

Но тут Степан крикнул на кого-то.

– Шпионить пришла, – под конец он смачно обругал пришедшую матом.

Дуболом выволок грубо девушку за руку ближе к нам. Это была наша одноклассница. Как там ее?..

– Какого хрена ты тут забыла? – проорал Лев.

– А тебе не говорили, что подслушивать не хорошо, – продолжал Степан, толкая ее в плечо.

Тонкие ножки девушки тряслись, казалось она вот-вот свалится. Губка задергалась на ее кругленьком лице. Она прижимала какую-то тетрадь к груди, словно щит. И вообще она напоминала мокрого воробышка – неказистая, вся в коричневом, трясущаяся на тонких ногах-спичках.

– Что ты тут забыла, мышь? – рявкнул Лев, занесший над ней кулак.

Но это уже совсем дно!

Я напрыгнул на него и мы вместе упали на грязный асфальт. Лев прокричал, но я начал лупить его по лицу.

Остановился, когда Лев начал стонать, затем я отвесил смачный подзатыльник Степану, который не успел ничего сделать лишь потому что Томаш оттолкнул его от девушки и грозным взглядом приказал стоять смирно. Я склонился над Львом, пытающимся встать облакачиваясь на кирпичную стену.

– Не смей больше вести себя, как крыса, – проорал я в ухо стонущему Льву.

– Ты с ума сошел? – простонал он.

– Чтобы девушек больше не трогал и не лез не в свое дело, понятно!?

– Да! Да! Понятно!

Девочка посмотрела на нас злыми глазами затравленного ежа. Она с силой ударила мне в грудь тетрадь, я едва успел подхватить, после чего девушка мигом убежала.

– Что это? – туповато спросил Степан.

С интересом я посмотрел на обложку тетради.

– Ну? – не унимался Степан.

– Тетрадь моя.

Наступило давящее молчание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.